

После 1917 года у российских детей наступило «другое» детство. На смену прежней системе ценностей и текстов поведения пришло новое сконструированное социо-культурное пространство. Дети стали расцениваться как образцовые носители нового социального порядка, во имя которых была осуществлена революция и оказались вовлеченными в оптимизм новой социальной утопии построения светлого коммунистического будущего. Одной из важнейших форм, в которой происходило это великое социальное конструирование — было пионерское движение.

Библиографический список

1. Какорея. Из истории детства в России и других странах: Сб. статей и материалов. Сост. Г.В. Макаревич. М. — Тверь: Научная книга, 2008. 386 с.
2. Кларк К. Советский роман: История как ритуал. Пер. с англ., ред. М.А. Литовской. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 262 с.
3. Леонтьева С.Г. Литература пионерской организации: идеология и поэтика [Текст]: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.01.08; Тверской гос. ун-т. Тверь, 2006. 24 с.
4. Майофис М., Кукулин И. Семиотика детства: Вступительная заметка // Новое литературное обозрение. 2002. №58.
5. Нусинова Н. «Теперь ты наша» Ребенок в советском кино. 20–30-е годы // Искусство кино. 2003. №12.
6. Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория, практика исследования. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. 256 с.: ил. 63.
7. Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России / Пер. с англ. С. Л. Сухарева. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. 285 с.

Н.А. Мурзаков

Самарский государственный социально-педагогический университет

«КИРОВСКИЙ ПОТОК» И ПОЗИЦИЯ БЕЛОЙ ЭМИГРАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ БЫВШИХ ДИПЛОМАТОВ)

Совершенное 1 декабря 1934 года убийство секретаря Ленинградского обкома С.М. Кирова стало поводом к усилению внутривластных репрессий, впоследствии получивших название «Кировский поток». Обращая внимание на неоднозначность результатов расследования, ряд исследователей указывают на его сфабрикованный характер [1; 2]. Одним из направлений следствия был поиск следов участия белоэмигрантских организаций в подготовке и осуществлении убийства, поэтому стоит рассмотреть взгляд на события «снаружи» — позицию эмигрантских кругов по этому делу.

Источниками для анализа стала частная переписка между дипломатами Е.В. Саблиным и В.А. Маклаковым, представлявшими интересы русской эмиграции в Великобритании и Франции соответственно. В период с де-

кабря 1934 по январь 1935 г. корреспонденты обменивались мнениями о вышеупомянутых событиях, а также сопровождали свои сообщения информацией из различных источников в странах своего пребывания.

Первое письмо Е.В. Саблина В.А. Маклакову, содержащее упоминание об убийстве С.М. Кирова, датировано 6 декабря 1934 года. Саблин пишет о том, что местная коммунистическая газета сразу же предприняла попытку увязать убийство с деятельностью белогвардейцев. На основании этого у него возникла идея обратиться в газету «Таймс» с письмом, в котором он хотел бы от лица русской эмиграции выразить непричастность к событиям и выступить с осуждением таких форм борьбы [3, с. 205]. Несмотря на твердость своей позиции, Саблин не решается высказаться от лица всей эмиграции, т.к., по словам А.В. Тырковой «в Париже все «таксичники» радуются такого рода актам», а иначе говоря, эмиграция в своем большинстве сочувствует террористическим актам против большевистских лидеров. В связи с этими сомнениями Саблин обращается за мнением Маклакова.

В ответном письме от 12 декабря 1934 г. В.А. Маклаков подтверждает его сомнения, и пишет о том, что большая часть эмиграции сочувствует террористическим актам. Маклаков вспоминает здесь убийство П.Л. Войкова и торжественное заседание в честь Б. Коверды, его убийцы, организованное представителями эмиграции. Маклаков считает, что к выступлению Саблина эмигрантская среда отнеслась бы с полным негодованием [3, с. 208–209].

Письмо Е.В. Саблина от 14 декабря 1934 г. весьма показательно. За невозможностью отбратиться с осуждением теракта самостоятельно, Саблин обратился в письме, «указывая на возобновление террора в России в связи с убийством Кирова» к сэру О. Чемберлену с просьбой «возвысить свой голос против бессудных расстрелов в нашем отечестве» [3, с. 213]. Также Саблин сообщает, что рассылал письма британскому политическому эстеблишменту с просьбой обратить внимание на новые декреты «ЦИКа об упрощенному порядке рассмотрения дел о лицах, обвиняющихся в связи с террористическими организациями». Все эти действия Е.В. Саблин проводит «для очистки совести».

Следующее письмо В.А. Маклакову от 16 декабря уже содержит четкую позицию по делу убийства Кирова, вызвавшему уже «около сотни казней и тысячи арестов». Е.В. Саблин предполагает, что «большинство казненных и арестованных не имели к факту убийства никакого отношения», а затем прямо заявляет, что советское правительство «использует этот акт терроризма для того, чтобы упрочить свое положение и вывести в расход под «благовидным предлогом» всех неугодных лиц» [3, с. 219]. Также он отмечает стремление большевиков «создать впечатление, что оно было инспирировано из заграницы и являлось, таким образом, делом контрреволюционеров-белогвардейцев». Здесь же Саблин отмечает тягу некоторых эмигрантских организаций приписывать себе «многие события контрреволюционной борьбы в России», приводя в пример «Братство русской правды».

В.А. Маклаков в своих ответных письмах от 22 декабря и 16 января подчеркивает свою позицию по отношению к террору: «уже больше ста человек расстреляно, и в этот момент нам присоединять к этому наше моральное осуждение жертвам – не элегантно» [3, с. 225], «ни подстрекать террористов, ни топтать их, когда они в руках палачей» [3, с. 248]. Попытка занять нейтральную позицию В.А. Маклаковым по делу об убийстве Кирова объясняется недостаточностью информирования о том, был ли теракт действительно совершен контрреволюционной группой, имелось ли в нем участие эмигрантских организаций. Маклаков лишь высказывает мнение, что «к несчастью, такие шаги, как николаевские, служат только на пользу большевикам и усилению террора...» [3, с. 248].

Таким образом, несмотря на разницу позиций по отношению к убийству Кирова, оба представителя эмиграции сошлись во мнении, что оно стало удобным оправданием для последующего проведения партийной верхушкой массовых репрессий. Что же касается широких эмигрантских слоев, то ими убийство крупного большевистского деятеля было воспринято как успешный результат работы контрреволюционных организаций. О реальных обстоятельствах дела и последующих событиях эмиграция была не информирована.

Библиографический список

1. Багдасарян В.Э., Михеенков В.П., Шубин Н.А. Выстрел в Смольном: заговор или «Трагическая случайность»? // Сервис в России и за рубежом. 2012. №4. С. 108-121.
2. Тихий К.Т. Пролог «Большой чистки» (убийство С. М. Кирова и мнение американских дипломатов) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. №4 (23).
3. Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов: 1934-1940: Сборник документов в двух книгах. Книга первая: 1934-1937. М.: Гя, 1998. 562 с.

Д.Р. Ямаева

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ВОСПОМИНАНИЙ П.Н. МИЛЮКОВА И А.Ф. КЕРЕНСКОГО

Задачей исследования стал контент-анализ воспоминаний П.Н. Милюкова и А.Ф. Керенского [1;2]. Были выделены основные смысловые единицы и осуществлен математический подсчет объема информации за хронологический отрезок январь-май 1917 г. из общего объема воспоминаний (табл. 1).